

Н.В. ПАНКЕВИЧ*

ГОСУДАРСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ

Аннотация. Статья обращена к вопросам методологии выявления пространственных политических форм с учетом центральности государства как актуальной структурной доминанты мирового политического пространства и как основной категории политического анализа. Дефицитность политической теории в этом направлении имеет затяжной характер, что предопределяет необходимость поиска инструментов для выявления элементного состава политического пространства и принципиальных возможностей его структуризации.

Выявляется методологическая недостаточность эмпирически ориентированных подходов к решению проблемы поиска структурных альтернатив государству, связанная с опорой на аналитическое масштабирование. Показано, что выводы о магистральных направлениях трансформации политического пространства в данной оптике приобретают конкурирующий характер, являясь не противоречивыми сами по себе, а лишь отражающими разные стороны реальности. Концептуальным препятствием для данной стратегии является стандартное для современной политической теории представление о вертикально упорядоченной уровневой структуре политического пространства.

Предложена исследовательская стратегия, основанная на теоретическом моделировании возможностей структуризации политического пространства, исходя из анализа качества конституирующей пространственную форму политики пространственных элементов. При этом показано, что хотя возможность данной стратегии глубоко укоренена в традициях теории государства и права, она не получила должного развития.

* **Панкевич Наталья Владимировна**, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), e-mail: n.pankevich@yandex.ru

В рамках предложенного подхода государство рассмотрено как пространственная форма, основанная на особой стратегии территориализации. Исследовано влияние парцельного определения территориальности на социальное и властное пространственные измерения государства, показана пространственная уникальность данной формы, а также, исходя из возможностей приобретения конституирующими элементами иных системных качеств и качества их сборки в функциональное единство, предложены некоторые альтернативные формы.

Ключевые слова: пространственный анализ; политическая форма; государство; парцельная территориальность; пространственность; альтернативы государству; форманты; методология политического анализа.

Для цитирования: Панкевич Н.В. Государство в политическом пространстве и пространственность альтернативных политических форм // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 41–66. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.02>

Необходимость обсуждения макрополитических процессов с позиций пространственного анализа осознана обществоведением достаточно давно. Еще в 1979 г. Э. Гидденс выразил свое сомнение в концептуальной достаточности Словаря общественных наук, указав, что большинство форм современной ему социальной теории *не смогло адекватно объяснить не только временные детерминации [социальных изменений], но и их пространственную специфику* [Giddens, 1979, p. 202]. Этот дефицит характеризует состояние политической теории и сегодня.

Полвека спустя сохраняющуюся остроту проблемы подтверждают как отдельные авторы, так и целые научные школы [Appadurai, 2003; Blomley, 1994, p. 25; Lacher, 2006], подчеркивая, что *выявление детерминант взаимодействия между пространством и политикой для наук об обществе остается маргинальной областью и рассматривается как узкая специализация в рамках географии* [Benda-Beckmann, Benda-Beckmann, Griffiths, 2009, p. 1].

Между тем дискуссия об элементном составе политического пространства и возможностях его структуриации сегодня становится все острее. Процессы, связанные с изменением традиционных форматов властной дисперсии, которые мы наблюдаем в настоящее время, свидетельствуют о трансформации, которая связана с практическим пересмотром организационных принципов макрополитического порядка и с научной рефлексией о них.

Центральность государства в политической теории

Основной удар критики в этой проблемной ситуации принимает, на наш взгляд, центральная установка современных политических наук о государстве как об основном локусе и базовой форме, в которой реализуется политическое взаимодействие, происходит аккумуляция и распределение властных ресурсов и компетенций, а также устанавливается иерархия социальных целей, ценностей и статусов. В первом, самом очевидном срезе реальности это выражается в осознанной передаче или невольной утрате государством ряда компетенций в контроле над ресурсными потоками, символическим капиталом и легитимностью, которым сопутствует захват критически значимых полномочий (по определению М. Кревельда) *различными организациями, которые, какова бы ни была их природа, определенно не являются государствами* [Кревельд, 2006, с. 9].

Между тем для современной политической теории характерно понимание системы государств именно как *координатной сетки* [Мельвиль, 2007, с. 13] и государства как *единственного базового уровня* [Окунев, 2019, с. 5] мирового политического пространства, по отношению к которому возможно позиционировать все другие политические единства, характеризуя их как комплементарные – производные от деятельности суверенных государств надгосударственные и зависимые субгосударственные. Это представление формирует основную догматику в современных теориях международных отношений, которые де-факто рассматривают их как эмпирически тождественные отношениям межгосударственным, и только в последнее время частично отступают от этого представления [Меньшенина, 2016, с. 12; Алексеева, Лебедева, 2016, с. 34].

Тезис о центральности имеет безусловное право на существование и преимущественно верно отражает статус-кво макроуровня политической системы в состоянии стабильности и в условиях, когда институт государства переживает устойчивую восходящую динамику, превращаясь в естественную доминанту, определяющую беспрецедентный изоморфизм макроуровня политического пространства. Тем не менее мы можем уверенно ожидать роста интереса к поиску альтернативных подходов, когда под вопрос ставится упорядоченный образ мира, где сообщество государств, состоящее из независимых, равнозначных, равностатусных, структурно подобных и взаимно признанных единиц, мыс-

лится основой универсального нормативного порядка и исключает влияние разнообразных *других*: [институтов-] *варваров, язычников, неверных, разнообразных отверженных* [Jackson, 2000, p. 13]. Особенностью современной аналитической ситуации является интерес именно к альтернативам, возникающим внутри политического универсума, элементный уровень которого представлен государственными образованиями, и во многом в противовес базовой организационной логике этого универсума, а также к поиску возможных методологий выявления этих альтернатив.

Пространственные формы: пробелы техники масштабирования

Одной из представительных исследовательских стратегий в поиске пространственных альтернатив государству становится экспериментирование с аналитическим масштабированием. Неоднозначность процессов, определяющих сегодня динамику мировой политической системы, позволяет формулировать множественные (и часто взаимоисключающие) гипотезы относительно магистральных направлений структурных изменений, которые она переживает на современном этапе и которые определяющим образом воздействуют на перспективы ее эволюции в будущем. Поэтому номенклатура фиксируемых эмпирически единиц негосударственного формата и генезиса может включать многочисленные масштабно отличные друг от друга единства.

Предложения формулируются в спектре гипотез о возможной политической архитектуре мира на основе укрупненных форм, структурирующих большие пространства над уровнем государств. На этом направлении значимые попытки оспорить доминантное положение государств в координации процессов макроуровня мировой политической системы представлены концепциями, идущими в русле развития идеи агрегации и столкновения цивилизаций, вдоль культурных линий конфликта и кооперации [Хантингтон, 2003, с. 13]; становления «плоского мира», в котором регионы, организации, общности и индивиды получают равный, фактически эгалитарный доступ к ресурсам, циркулирующим в глобальном масштабе без политических границ [Friedman, 2005]; глобальной политики или глобального гражданского общества [Ougaard,

Higgott, 2002]; открытой вовне универсализирующей политическое пространство империи [Hardt, Negri, 2000].

Параллельно предлагаются альтернативы, кристаллизация которых, осуществляясь на суб- и кросс-государственном уровне, производит новые конкурирующие с государственно оформленными пространствами и юрисдикциями территориально-политические конфигурации. Здесь, с одной стороны, формулируется идея о новом деуниверсализированном формате политического структурирования «без государства», за счет разнообразных единиц мезоуровня (внутригосударственных и трансграничных регионов, ареалов действия региональных координирующих организаций) в оппозиции государству [Matsuzato, 2005; Florida, Gulden, Mellander, 2008]. С другой стороны, еще большее укрупнение масштаба и переход на более низкий иерархический уровень открывают возможность обоснования гипотез о становлении мозаичного и слабо интегрированного ландшафта, представленного структурой, элементами которой являются связанные между собой поверх физического пространства узлы [Feng, Growe, Shen, 2020]. Взрыв политической значимости иерархий урбанистических центров представляет собой один из наиболее значимых фокальных объектов подобного анализа.

Следует отметить, что среди возможных вариантов эмпирически прогнозируемого будущего можно по-прежнему часто встретить гипотезы, имеющие целью подтвердить сохранение нормативного статус-кво – исключительной позиции государства и связанных с ним институтов [Scheuerman, 2009, p. 207], со свойственным этой позиции скепсисом относительно возможности прогноза *будет ли наследовать государству какая-либо работающая нормативная или эмпирическая модель* [Zürn, Leibfried, 2005, p. 25–26]. При этом кризисная динамика пандемийного периода, связанная с резким повышением значимости собственно государственного регулирования, и последующий период эскалации международной напряженности, ставший моментом истины для целого ряда международных режимов, претендовавших на субординацию государств, существенным образом добавляют валидности подобным гипотезам. Об этом свидетельствуют такие институциональные реакции на кризис, как обратный трансфер чрезвычайных и распределительных полномочий из наднациональных структур в национальные управленческие органы, территориализация эконо-

мических и финансовых ресурсов в рамках государственных границ, свидетельства успешного укрепления национальных валют в ущерб резервным, попытки хирургически точного разъединения межгосударственных энергосистем, выход стран из крупных конвенций и договоров и, наконец, резкая актуализация национальных идентичностей [Панкевич, Руденко, 2021].

Однако динамичный характер флуктуации политического поля, выдвигающий на первый план то одну, то другую пространственную единицу, не снимает более фундаментального вопроса о принципиальных, предельных возможностях структуризации политического пространства. Наблюдаемый кризис эмпирического анализа заключается в том, что должное подтверждение – равно как и обоснованное опровержение – возможности становления в качестве перспективного конституирующего элемента пространственной организации мира получает любая из представленных альтернатив. Причем прогноз возможности ее успеха существенно различается даже в рамках небольших временных отрезков. Подобный эффект указывает на общую методологическую недостаточность эмпирически ориентированных подходов в оценке происходящих в современном мире трансформаций.

Эта дефицитность имеет концептуальный характер и связана, на наш взгляд, со стандартным для современной политической теории представлением о вертикально упорядоченной иерархической структуре политического пространства и сопутствующим преобладанием характерной методологической установки о необходимости смены, главным образом, масштаба рассмотрения политических процессов в мировой системе. Но очевидно, что при этом выбор масштаба как основного аналитического приема, на котором останавливается исследователь, предопределяет и выбор приоритетного объекта анализа. Центральное ранее место института государства занимают, в зависимости от задач исследования, суб- или надгосударственные единства: муниципалитеты, регионы, федерированные единицы, стремящиеся к повышению своего политического статуса и приобретающие новые компетенции в процессе деволюции государственного управления – или союзы, межгосударственные объединения, транснациональные организации, в которые осуществляется трансфер важнейших государственных функций, в том числе нормотворчество и правопримене-

ние, управление силовыми ресурсами, монетарная и финансовая политика, профильное регулирование на глобальных рынках.

По сути перечисленные эмпирические исследования производят разной степени успешности попытки установить в структурно статичном и иерархически организованном пространстве политического управления слой, в котором происходит или предполагается, что будет происходить, основной объем анализируемых процессов и в котором усиливается конкуренция возникающих на разных уровнях пространственных форм за центральность (см., например: [Reboredo, Brill, 2019]). При этом сама иерархически «уровневая», или «слоевая» природа структуры политического пространства, в котором несущим центром по-прежнему остается государство, под вопрос не ставится и рассматривается как данность [Alff, Benz, 2019]. Неустранимость государства как пространственной доминанты в этой теоретической рамке является аксиоматической, поскольку возможные альтернативы неизбежно и вынужденно вызревают внутри институциональных условий, кодируемых государством, и успешны именно настолько, насколько сами государства допускают их автономизацию.

Поэтому неудивителен и сопутствующий дефицит инструментальных стратегий, дающих иное видение закономерностей распределения и стабилизации пространственных конфигураций. С. Сассен, одна из немногих авторов, обративших внимание на эту проблему, в своей интерпретации современных процессов предлагает идею об укорененности многих явлений (которые интерпретируются в качестве феноменов «глобального уровня») в национально-государственных пространствах и указывает на сложные переплетения и диалектику происходящих на разных уровнях политического управления процессов, которые таким образом не могут быть представлены в виде иерархии или быть изолированными друг от друга [Sassen, 2006, p. 9].

В результате уже на стадии первого приближения к определению объекта исследования возникают методологические предпосылки, препятствующие действительному и полномасштабному анализу процессов системной трансформации макроуровня политической системы. Это закономерно: если различные процессы протекают с различной степенью интенсивности на различных «этажах», то и выводы относительно специфики магистральных направлений в трансформации политического пространства при-

обретают конкурирующий характер, являясь не противоречащими сами по себе, а лишь отражающими разные стороны реальности.

Так, например, процесс концентрации мигрантов с их явным предпочтением городских социальных ландшафтов сельским будет провоцировать исследование проблематики урбанизации, нарастания демографической напряженности и сопутствующего повышения политического веса крупнейших городов и агломераций с неизбежным выводом о том, что именно этот уровень эволюционирует в качестве перспективного «центрального» в политическом пространстве современности [Sharp, 2019]. Тогда как внимание к экономической специализации территорий в мировом разделении труда будет прямо указывать на необходимость рассмотрения вклада образований мега- и мезоуровней, внутригосударственных и трансграничных регионов как центральных катализаторов и одновременно финишных институций в процессе вытеснения государства из центра политического пространства. В свою очередь, наблюдаемое умножение номенклатуры институтов, создающих правовые режимы в глобальных профильных сегментах, таких как торговое право, международный арбитраж, защита окружающей среды или прав человека, в свою очередь, привлекает внимание к надгосударственному уровню и процессам институционализации новых пространственных форм в этом домене [Basedow, 2013; Calliess, Renner, 2009].

Но в действительности столь разные выводы о возникающих возможностях переноса центра тяжести политической системы в соответствующие институции оказываются запрограммированными уже на уровне калибровки масштаба исследовательского поля.

Пространственная форма: к определению понятия

Последнее предполагает необходимость выявления и моделирования возможностей структуризации политического пространства прежде всего на теоретическом уровне. Чтобы приступить к обсуждению данного вопроса, мы предлагаем вернуться к необходимости системной концептуальной разработки дефиниции пространственной формы политики, для которой государство будет одной из возможностей эмпирической реализации.

Перспектива развития данного подхода видится прежде всего в декомпозиции и преодолении унитарности аналитического конструкта государства. Эта стратегия не получила должного развития, хотя глубоко укоренена в традициях теории государства и права, и отдельные ее положения развивались на длительном историческом интервале. Еще Г. Еллинек усматривал (и был в таком подходе не одинок [Kelsen, 1961]) объективное начало государства *в его составных элементах, которыми являются территория, народ и властитель* [Еллинек, 2004, с. 81]. Стабильность научного консенсуса относительно структурных элементов, со-творяющих во взаимодействии государство, и сама восходящая траектория эволюции государств, которая в историческом процессе сопровождалась системным вытеснением всех пространственных альтернатив, сыграли с теорией государства довольно злую шутку. Территория, сообщество, властный аппарат из стратегически заряженных перформативных сил, распределяющих политическое пространство, были методологически низведены в категорию признаков государства.

Сегодня определение государства через его атрибуты распространено чрезвычайно широко и используется догматически (напр.: [Меньшенина, 2016, с. 20; Матузов, Малько, 2004, с. 27–28]), что имеет значительные последствия: за горизонтом осознания остается тот факт, что для становления государства подходит отнюдь не произвольно взятая территория, не каждый тип сообщества, а властный аппарат государства обладает вполне уникальной пространственной и организационной спецификой. Эти составляющие являются самостоятельными стратегическими началами, каждое из которых в процессе реализации своей функции по распределению пространства – физического, социального, властного – способно принимать целый ряд значений.

На наш взгляд, в этой части следует согласиться с тезисом Т. Парсонса о том, что социальная система является центром интеграции ее аналитически различимых компонентов, а не только особо дифференцированным типом этих компонентов [Парсонс, 2002, с. 212]. И только приобретая совершенно определенные, уникальные квалификации указанные форманты приводят к стабилизации государства как устойчивой пространственной формы и открывают возможность для распространения этой формы на весь объем мирового политического пространства.

В свою очередь, именно способность элементов принимать в ходе реализации социальными акторами разные значения обеспечивает *избыток возможностей* [Луман, 2004, с. 107], который создает потенциал внутренней динамики пространственной системы и вырабатывает эндогенные факторы для ее трансформации. Континуум таких вариаций содержится в системной памяти как набор потенциально возможных функциональных состояний и может быть при необходимости актуализирован в соответствующей ситуации.

Именно поэтому система, существуя относительно стабильно, сохраняет возможность как к эволюции и поиску новых состояний, так и к возвращению к исходной форме. Это, в частности, означает, что исторически покинувшие горизонт актуальной политической системы конкуренты государства (см., напр.: [Spruyt, 1994]) не могут быть списаны со счетов как навсегда превзойденные. При определенных обстоятельствах они способны вернуть свою актуальность, образуя спектр трансисторических форм пространственной интеграции политических систем.

Одновременно становится очевидным, что изменение качества каждого из конституирующих пространственную форму политики элементов оказывает принудительное воздействие на состояние остальных. Фактически подобным образом измерение окружающего мира, на сигналы которого система реагирует адекватными адаптациями, привносится во внутреннее пространство системы, интериоризируется и становится постоянно готовым к активизации трансформационных процессов.

В этом случае становится понятным, что совместное действие всех трех сил создает беспрецедентное давление на форму политических образований, принуждая их к структуризации в том или ином стандартном для макросистемы качестве. Каждый из них обеспечивает, таким образом, и *ограничение пространства селекций* [Луман, 2001, с. 22], предопределяя сгущение социальных и специфически властных взаимодействий в определенных форматах и исключая неконформные или просто отличающиеся способы социальной и институциональной интеграции.

Результатом подобного действия становится кристаллизация пространственной формы как способа сопряжения обозначенных компонентов. Необходимость предельного соответствия конституирующих элементов друг другу в рамках стабильной конструк-

ции в значительной мере объясняет действительную немногочисленность макроинституциональных состояний, которые зафиксированы в человеческой истории. Это фундаментально властное действие, радикальным образом лимитирующее число возможностей и степеней свободы в развитии системы [Луман, 2006, с. 27–29], не оставляющее простора для ее произвольного волюнтаристского конструирования.

Именно это обстоятельство, в частности, определяет беспрецедентный изоморфизм современной структуры политического пространства в качестве международной системы, состоящей при значимом разнообразии индивидуальных характеристик отдельных образований (от континентальных держав до островных микрогосударств, от политий с миллиардным населением до государств с несколькими десятками тысяч граждан, при существенных диспропорциях в уровнях экономического и человеческого развития, отраслевого состава индустрий, при эмпирически очевидных различиях специфики строения управленческого аппарата, распределения властных полномочий и компетенций и т.п.) из конституционно и функционально подобных единств [Meyer et al., 1997, p. 152–153].

Государство как пространственная форма

Представляется, что в рамках предложенного подхода формируется возможность для размещения различных типов пространственных форм по качественной специфике в них каждого из обозначенных формантов и способу их сборки в функциональное единство. Государство как пространственная форма в этом случае будет одной из стратегических возможностей реализации данной сборки. И поскольку сегодня именно государство является центральной институцией в структурировании мирового политического пространства, имеет смысл произвести анализ данной категории с предложенных позиций.

Манифестацией специфического пространственного определения государства является особого рода территориальность как выражение стабильного во времени и координатах монопольного обладания политическим сообществом фиксированной частью физического пространства. Значение и политические проекции этой

пространственной инновации раннего Нового времени зачастую оказываются недоосмысленным в политической теории и представляются одной из ее априорных основ [Fain, 1972, p. 18]. Между тем именно элемент монополизированной, выграниченной из ткани мира территории делает современное государство как политическую форму структурно несводимым к другим политическим единствам, которые исторически претендовали или могут претендовать на осуществление тех же социетальных функций. В свою очередь, возможность идентифицировать и проактивно поддерживать стабильный территориальный лимит каждой политики представляет собой важнейший дифференцирующий признак всего современного нам нормативного порядка, центр которого занимает государство.

С точки зрения качества территориального компонента в основе государства лежит естественный целостный площадной объект, характеризуемый четко обозначенной и преимущественно замкнутой границей – вычлененный из ткани мира и легко определяемый пространственный парцель. Граница, создающая эту определенность, разделяет жизненный мир политики на внутренний (нормативно освоенный и принципиально важный) и внешний (нормативно недоступный для прямого действия нечрезвычайного характера и потенциально безразличный) домены и распределяет все материальные объекты и нематериальные феномены и процессы в зависимости от их локализации по ту или эту сторону.

Технологически процесс парцельного распределения пространства обеспечивается возможностью классифицировать всю совокупность объектов властвования в терминах включения в состав территории или исключения из нее. Это чрезвычайно эффективная в силу своей экономичности техника, которая позволяет произвести логически простую операцию разнесения объектов, событий, процессов, рисков по категориям значимости и безразличия не в силу их специфики, объема, реальной ценности, но лишь в силу позиции в физическом пространстве.

Территориальная техника парцеля чувствительна к фактору физической дистанции между объектами или взаимодействующими акторами. Тем не менее приоритетное значение приобретает не собственно близость / удаленность, а расположение по отношению к линиям, определяющим границу территории. Именно попадание во внутреннее или внешнее пространство становится критическим

фактором консолидации и размежевания между социальными субъектами, процессами, феноменами.

В этом качестве территория-parcela выступает активным катализатором, способствующим интенсификации социального взаимодействия: внутри производимого ареала она возвращает консолидированную социальную общность. Даже антагонистические интересы и их носители помещаются в общий материальный контекст, который предполагает сплочение на основе соприсутствия и сопричастности к территории, соучастия в ее эксплуатации, освоении и удержании. Таким образом, parcelная институционализация территории выполняет не только властную функцию распределения ресурсов, но и социальную функцию консолидации человеческого сообщества и формирования его идентичности.

Реализация в пространственной форме государства стратегии parcelизации помимо прямого и независимого контроля над участком физического пространства имеет и другие преимущества. Политически важно, что владение четко фиксированной и маркированной территорией способствует визуализации властвующего субъекта. За счет доминирования на конкретно взятой территории, с течением времени приобретающей черты естественного, узнаваемого и признаваемого объекта – итальянского сапога, французского пятиугольника, широтной и меридиональной определенности США, континентальной протяженности России или Австралии и т.п., – реализующий власть центр обретает способность к реификации. Политическая власть стабилизируется в пространстве, и эта стабилизация создает возможность ее длительного существования во времени и устойчивости даже в крупных трансформационных процессах революционного значения, производящих смены политических режимов, пересмотр социальных иерархий, способы организации экономических отношений и системы апроприации и т.д.

Эффективность властного отношения в данной технике обеспечивается тем фактом, что политизация части физического пространства (которое само по себе является нейтральным) позволяет ему функционировать в качестве активного начала в установлении и поддержании социального контроля над объектами. Такие идеологемы, как «право почвы» (т.е. легитимация социальных, политических и правовых норм за счет их укрепленности в определенном географическом ареале), позволяют замаскировать дей-

ствие социальной группы или властной институции и придать соответствующим нормам ореол незыблемости и принадлежности к естественному, природному, изначальному порядку вещей.

В рамках территориального парцеля власть, таким образом, перестает быть атрибутом лишь правителя или конкретного властного института. Она растворяется в пространстве, насыщая его и сливаясь с ним. Верно и обратное: деструктурируется и сообщество – его качественные характеристики нормализуются и усредняются, а на первый план выходит связанность социума с территорией, укорененность в ней. Парцельная территориальность государства становится той оболочкой, благодаря которой даже глубоко расщепленный экономически и социально социум, пожалуй впервые может увидеть себя в качестве непротиворечивого единства, что закладывает институциональные основы для возрастания норматива самостоятельного и автономного от внешних факторов самоопределения и дальнейшего независимого существования политического коллектива в качестве социальной тотальности – преемственности транспоколенческого органического единства, своего рода «коллективного индивида», «соборной личности» [Barron, 1990, p. 117; Тимофеев, 2020, с. 30].

Устойчивость же территориального режима обеспечивается тем, что в политическом измерении территория выступает не просто как источник власти и не только как ее ресурс для реализации. Выграниченная территория под контролем соответствующего сообщества и властного центра становится также и конечным результатом осуществления властного воздействия. Действенность власти, реализующей эту стратегию, равна контролю над своей территорией и – посредством территории – над всеми заключенными в ее состав объектами, а эффективность властного действия иссякает на границе политики [Beale, 1916, p. 40–41].

Таким образом, концепт территории-парцеля, основополагающий для пространственной формы государства, процессуально цикличен. Начинаясь с овладения участком физического пространства, властное отношение завершается на установлении и удержании контроля над ним же. Источник, средство и результат властного процесса сливаются в одном эмпирическом объекте. В этом смысле в политической форме государства устанавливается непрерывный процесс взаимообращения территории и сообщества. В окончательном виде норматив государства требует, чтобы все

три элемента, необходимые для построения политической формы, были выстроены в циклически устойчивую структуру, содержащую прямые, ничем не опосредованные корреспонденции между формантами.

Специфика парцельной территориальности формирует представительную традицию определять государство на нормативном уровне как прежде всего согласованную «территориальную корпорацию», определяемую не спецификой культуры, но принципиальной укорененностью в пространственном субстрате [Gierke, 2001, p. 142, 161–163]. Манифестация единого социального и правительственного контроля над территорией является стереотипной чертой всех единств данного типа таким образом, что становится справедливым следующее: *идеи государства и «территориального суверенитета» стали в теории и практике синонимами, а выражение «территориальное государство», соответственно, – тавтологией* [Бауман, 2002].

В свою очередь это означает, что пространственная революция государства связана именно с политическим открытием парцеля, эксклюзивность которого распространяется не только на некую доступную часть физического пространства, но, согласно тем же принципам, структурирует человеческое сообщество на основании принадлежности к территориально определенным группам, членство в которых приоритетно и является основанием наделения социальными и политическими правами. Тем же действием парцельная территориальность формирует замкнутые географии власти на основе исключительных юрисдикций.

Очевидным преимуществом рассмотренного пространственного определения является структурная бездефицитность государственной формы. При предельном совпадении социального и властного пространственных измерений с пространством физическим государство становится исключительно стабильной конструкцией, что видится одним из ее основных преимуществ, определивших ее восходящую траекторию превращения в структурную доминанту в глобальном масштабе.

Пространственность альтернативных форм

Может ли подход, который мы применили для описания пространственной формы государства, позволить произвести моделирование альтернатив государству не в качестве эпифеноменов, сопутствующих центральности уровня государства в мировой политической системе? Представляется, что в рамках предложенной стратегии появляется возможность рассмотреть и ситуацию эмпирического кризиса, с которым может столкнуться конкретное государство, и ситуацию концептуального вызова, когда на место территориальной парцеля на нормативном уровне претендует иная институционализация территориального компонента.

Ситуации первого типа чрезвычайно распространены. В реальном политическом процессе нормативность государственности как автономного и согласованного единства вынуждена постоянно подтверждать свою действительность, и значительное количество политий сталкивается с ситуацией существенного несовпадения пространственности территориального домена, идентичности политического сообщества и стратегии властного центра. Политически значимые объекты, в том числе критически значимые для идентичности государств, могут оказаться за пределами территориальных границ и вызывать целые каскады как эмоциональных, так и организационных реакций. Политическое сообщество, мыслящее себя единством, может быть разделенным между несколькими государственными юрисдикциями, что весьма характерно для стран Африканского континента и не менее значимо и для постсоветского пространства, и для Азиатского региона.

Для современного состояния научной рефлексии достаточно показательно, что в этом случае расхождение нормативной модели государственности и эмпирического объекта трактуется как дефект объекта, но не модели, которой он должен соответствовать. Наиболее очевидным проявлением подобной проблемы является нарастание сецессионных явлений, которые в целом ряде случаев приобретают злокачественное течение и приводят к катастрофическим явлениям для отдельных государств. Каждая сецессия является крайне болезненной для любого государства, поскольку территориальность парцеля реализует в рамках данной формы своего рода метафору телесности политической формы, которая неприкосновенна в высшем смысле [Waltzer, 2006].

И тем не менее подобное развитие, несмотря на свою болезненность для конкретного государства, не является вызовом государству как политико-пространственной форме. Осуществляющие сецессионные проекты регионы в своей массе претендуют не на разрушение существующего нормативного порядка, но на адаптацию конкретных единиц к изменяющимся пространственным стратегиям политических сообществ в случае идентитарных движений (связанных с проблемой разделенных народов, неразрешенными этноконфессиональными и национальными расколами внутри государства) или изменяющимся конфигурациям ресурсных потоков (в случае нарастания диспропорций экономического развития, которые региональные социумы перестают рассматривать как легитимные). Отделяющийся регион претендует на повышение статуса в мировой политико-экономической системе, непосредственное вхождение в нее, минуя охватывающее государство, отстаивает право на свою политическую субъектность.

Принципиальным моментом здесь является то, что в условиях нормативности парцельной территориализации политического пространства альтернативные государству формы конституционно исключаются из числа возможных исходов политического процесса, что оставляет претендующим на успешную сецессию акторам единственное окно возможностей для самоопределения. Им является создание собственного территориального государства или (ре)интеграция в состав уже существующего¹. Поэтому даже в случае успеха сецессии учреждение новых политий именно в форме государства становится ожидаемым и, по сути, неизбежным исходом.

Учитывая преимущественно негативный опыт существования политий в промежуточных состояниях восстающих регионов, непризнанных государств или (*failed*) государств в различной степени деградации политического проекта, испытывающих значительные сложности в плане защиты прав своих граждан, именно регулярное государство по-прежнему сохраняет свои позиции основного гаранта безопасности, источника прав и порядка. Сово-

¹Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Принципы, которыми государства – члены Организации должны руководствоваться при разрешении вопроса о том, обязаны ли они передавать информацию, предусмотренную статьей 73 е Устава» № 1541 от 15.12.1960, принципы VI–IX.

купность подобных трудностей составляют не только такие очевидные угрозы, как милитаризация и возрастание неструктурированного насилия, но и меньшие, но тем не менее весьма чувствительные проблемы рутинного плана, имеющие очевидное пространственное измерение. Такие, как признание документов о регистрации номеров автотранспорта, дипломов об образовании, правовых последствий актов гражданского состояния (браков, разводов, усыновлений и пр.), прямо влияющих на вопросы перехода прав собственности, наследования, алиментных обязательств и др., лимитирование права на свободу передвижения и множество других проблем, сопровождающих повседневную жизнь. В этот список следует также включить ограничения нормальной экономической активности, увязанные с такими на первый взгляд техническими вопросами, как правила, определяющие происхождение товаров и допускающие в экономический оборот лишь товары, произведенные на территории признанных государств.

В результате успешной реализации сецессионных пространственных стратегий число независимых политических единств, конституированных в форме государств, последовательно увеличивается на протяжении крупного исторического периода. Если в начале XX в. число суверенных государств определялось (в силу отсутствия отчетливой формализации [Fazal, Griffiths, 2008, p. 200]) как 50–70, то в результате серий национально-освободительных революций, антиколониального движения, региональных расколов и крупномасштабных сдвигов континентального масштаба (подобных распаду СССР) сегодня официальное число государств достигло 193 и вполне имеет шансы на дальнейшее увеличение, подтверждая и утверждая государство как главенствующую политическую форму со специфическим пространственным определением в основе.

Однако второй вызов значительно серьезней, поскольку коренное изменение стратегий территориализации политических обществ и их стратегический отказ от преимуществ парцельной географии действительно может способствовать постепенной консолидации альтернативных государству пространственных форм. Некоторые из них известны как крупные исторические состояния, которые структурно инаковы по отношению к доминирующей сегодня форме. Сегодня они вновь проявляют себя в качестве организационных возможностей политического структурирования.

Как изменится структурное качество системы, если география политики-государства, в основе которой лежит стратегия формирования пространственных изолятов, уступит место стратегиям разомкнутой территориальности?

Масштабные последствия для всех элементов политической формы производит размыкание эксклюзивной территориальности государства в открытую пространственность, которая может вести к осуществлению имперских форм, специализирующихся на овладении большими протяженностями и тяготеющих к практически бесконечному расширению, в пределе – до универсальных масштабов. Очевидно, нелимитированная пространственность накладывает существенный отпечаток на специфику политического общества и властного аппарата, которые она удерживает. Важнейшим условием для существования подобной формы становится способность к охвату максимального социального разнообразия. Имперский социум, в отличие от солидарного общества «в клетке» [Mann, 1993, p. 61] государственной территориальности, предъявляет куда меньший объем требований к гомогенности своего социально-демографического состава. Его композиция отвергает необходимость как целостности и солидарности всего социума, сплочения его в единый субъект, так и нормализацию правового, экономического, социального статуса гражданина, принципиально необходимую для государства.

Напротив, имперский социум создается на основе фракционной групповой субъектности, которая предполагает закрепление определенного статуса и социальной позиции за группой в целом и медиацию статуса конкретного человека в зависимости от его принадлежности к той или иной части общественной системы. Именно в результате подобной композиции имперские сообщества оказываются куда более открытыми для включения иноязычных, иноконфессиональных, расово и культурно отличных контингентов. И, следовательно, поэтому куда более приспособлены для территориальных экспансионистских проектов, предполагающих широкий контакт с отдаленными перифериями. Уже сгенерированное внутри таких обществ социальное различие является и правовым, и экономическим, и культурным одновременно. Поэтому присоединение даже статистически значимых новых чужеродных контингентов происходит достаточно безболезненно: они интегрируются как «еще одна» группа среди других локальных мно-

жеств, не производя возмущающего эффекта в структуре социума в целом.

В свою очередь, такая композиция предопределяет и необходимость построения особых управленческих схем. Наблюдаемые в имперских формах не прямое правление, преимущественно вертикальный характер коммуникации с центром при отсутствии горизонтальных связей между регионами также являются одной из пространственных импликаций, связанной с тем фактом, что разнородные сегменты системы вынуждены формировать профессиональную когорту функционеров, представляющих их интересы во взаимодействии с центром политики. Именно поэтому имперская форма, с одной стороны, структурно предрасположена к деполитизации массовой общественной жизни, к вытеснению политической и прежде всего демократической процедуры на периферию общественной жизни, предлагая на ее место некие субституты участия в формате культов или допуска к распределению благ, к лишению индивида политического статуса, а также к сведению политической коммуникации к коммуникации исключительно элит. С другой стороны, именно эта форма достаточно успешно решает вопрос интеграции территориально расширяющегося социума, характеризующегося множественностью локальных идентичностей, и обеспечивает его пацификацию.

Возможна и другая крупная альтернатива государственной форме, которая также связана с отказом от парцельного пространственного определения и которая предполагает освоение глобального пространства за счет политического сближения и интеграции наиболее напряженных в демографическом, экономическом, коммуникационном отношении участков физического пространства. Как исторически (опыт итальянских лиг и североευропейской Ганзы), так и сегодня подобные сегменты пространства представлены крупнейшими урбанистическими центрами и агломерациями, между которыми возникают устойчивые политико-экономические и правовые связи. В этом смысле возникающая форма структурно противоположна и государству, и империи, поскольку организует политическое пространство сетевым образом, что предполагает мозаичность, партикулярность и нестабильность ее территориальной основы, ситуативное включение и выпадение отдельных сегментов из общей коммуникации и при этом способность образовывать связи поверх любых пространств, не вступая в контакт с

ними [Khanna, 2018]. Сегодня эта способность кратно усиливается за счет создания искусственных сред коммуникации, которые гомологичны сетевой структуре урбанистических сетей.

Возможности концептуального вызова суверенной государственности со стороны ее оппозиции в лице сетевых структур многообразны: государства и урбанистические сети ориентированы на две принципиально антагонистические логики, которые по-разному интерпретируют квалификации сообщества и властного центра, что позволяет делать выводы о том, что мы действительно имеем дело с двумя несводимыми друг к другу и конфликтующими возможностями пространственного развития человеческой цивилизации. Территориальность сетевого типа имеет значимые импликации, предопределяющие существенный дефицит центральной властной институции и перетекание реальных властных полномочий в менее формальные и менее публично прозрачные организации, которые осуществляют регулирование профильных вопросов в пределах своей профессиональной специализации. При этом специфика субъектности в рамках данной формы также не предполагает включения в состав политически влиятельного класса всей совокупности жителей и солидарности между ними. Это является ключевой проблемой для сетевой формы политического пространства, испытывающей достаточно острый дефицит как политической визуализации, так и легитимации с позиций наиболее престижных политических режимов, основанных на демократических форматах участия.

Реальный социальный статус и жизненные перспективы каждого человека в рамках данной формы определяются одновременно его принадлежностью к той или иной корпорации или сектору экономики и местом в профессиональной иерархии внутри нее. Политически это позволяет отдельным узлам сети, оставаясь в пределах политического единства, реализовывать несвязанные между собой политические стратегии в отношении подконтрольного сообщества, определять объем их прав и режимы доступа к коллективно доступным благам и ресурсам, что отрицает принципы единства правового пространства и нормативного равенства между гражданами в рамках политического образования.

Заключение

В рамках небольшого текста мы не можем произвести полномасштабный сравнительный анализ возможных пространственных форм, которые потенциально могут составить альтернативу государству в развитии современной мировой системы. Однако произведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что методологии выявления альтернатив связаны скорее не с изменением масштаба и попыткой вычленения уровня политического пространства, к исследованию которого обращен анализ. Более продуктивным является подход, основанный на выявлении предельных структурных характеристик пространственной формы, обладающей уникальными характеристиками пространственной основы, типа сообщества и специфики властного аппарата. Именно возможность предложить структурную альтернативу этой сборке на основе принципиально отличных институционализаций каждого из предложенных компонентов будет свидетельствовать о конкурентном формате возникающего политического единства по отношению к государству. И, соответственно, в рамках предложенного подхода формируется теоретическое пространство для размещения иных типов форм, отличных от государства по специфике институционализации в нем каждого из обозначенных формантов, а также способу их сборки в функциональное единство.

N.V. Pankevich*

The State in the Political Space and the Spatiality of Alternative Political Forms

Abstract. The article explores the issues of methodology for identifying spatial political forms, considering the centrality of the state as an actual dominant of the world political space, and as the master-category of political analysis. The scarcity of political theory in this direction has a protracted character, which determines the need to search for tools to identify the elemental composition of the political space and the fundamental possibilities of its structuring.

Analysis discovers the methodological insufficiency of empirically oriented approaches to solve the problem of finding structural alternatives to the state, associated

* **Pankevich Natalia**, Institute of Philosophy and Law of RAS (UB) (Yekaterinburg, Russia), e-mail: n.pankevich@yandex.ru

with reliance on analytical scaling. Within this technic the conclusions regarding the main directions in the transformation of the political space acquire a competing character, not being contradictory in themselves, but only reflecting different sides of reality. The conceptual obstacle to this strategy is the standard idea for modern political theory idea of political space that is a vertically ordered leveled structure.

A research strategy based on theoretical modeling of the possibilities of structuring political space is proposed. An approach employs the analysis of the quality of spatial elements constituting the spatial form of politics. It is shown that the possibility of this strategy is deeply rooted in the traditions of the theory of state and law, however, has not been properly developed.

Within the framework of the proposed agenda, the state is considered as a spatial form based on a special strategy of territorialization. The influence of the insular territoriality on the social and power spatial dimensions of the state is investigated; the spatial uniqueness of state political form is shown; and, based on the possibilities of acquiring other systemic qualities by constitutive elements and the quality of their assembly into a functional unity, alternative forms are proposed.

Keywords: spatial analysis; political form; state; partial territoriality; spatiality; alternatives to the state; formants; methodology of political analysis.

For citation: Pankevich N.V. The State in the political space and the spatiality of alternative political forms. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 41–66. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.02>

References

- Alekseyeva T.A., Lebedeva M.M. What is happening to the theory of international relations. *Polis. Political Studies*. 2016, N 1, P. 29–43. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.03> (In Russ.)
- Alff H., Benz A. The multi-dimensionality of space – an analytical framework for the empirical investigation of the production of place. *Erdkunde*. 2019, Vol. 73, N 2, P. 111–125. DOI: <https://doi.org/10.3112/erdkunde.2019.02.03>
- Appadurai A. Sovereignty without territoriality: notes for a post-national geography. In: Low S.M., Lawrence-Zuniga D. (eds). *The anthropology of space and place: locating culture*. Oxford, UK: Blackwell, 2003, P. 337–349.
- Barron A. Legal discourse and colonization of self in the modern state. In: Carty A. (ed.). *Post-modern law: enlightenment, revolution, and the death of man*. Edinburgh: Edinburgh university press, 1990, P. 107–125.
- Basedow J. *The law of open societies – private ordering and public regulation of international relations*. Leiden, Netherlands: Brill Nijhoff, 2015, 662 p.
- Bauman Z. *After the nation-state – what?* Otechestvennye zapiski. 2002, N 6, P. 419–435. (In Russ.)
- Beale J.H. *A treatise on the conflict of laws or private international law*. Cambridge: Harvard university press, 1916, 189 p.
- Benda-Beckmann F., Benda-Beckmann K., Griffiths A. (eds). *Spatializing Law: an anthropological geography of law in society*. Farnham: Ashgate, 2009, 225 p.

- Blomley N.K. *Law, space and the geographies of power*. New York: Guilford, 1994, 259 p.
- Creveld M. *The rise and decline of the state*. Moscow: IRISEN, 2006, 544 p. (In Russ.)
- Calliess G.-P., Renner M. Between law and social norms: the evolution of global governance. *Ratio Juris*. 2010, Vol. 22, N 2, P. 260–280. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.2009.00424.x>
- Fain H. The idea of the state. *Nous*. 1972, Vol. 6, N 1, P. 15–26. DOI: <https://doi.org/10.2307/2214510>
- Fazal T., Griffiths R. A State of one's own: the rise of secession since World War II. *The Brown journal of world affairs*. 2008, Vol. 15, P. 199–209.
- Feng P., Growe A., Shen Y. Decentralisation and functional specialisation in super mega-city regions. *Erdkunde*. 2020, Vol. 74, N 3, P. 161–177. DOI: <https://doi.org/10.3112/erdkunde.2020.03.01>
- Florida R., Gulden T., Mellander Ch. The rise of mega-region. *Cambridge journal of regions, economy and society*. 2008, Vol. 1, N 3, P. 459–476. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsn018>
- Friedman T. *The world is flat. A brief history of the twenty-first century*. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2005, 488 p.
- Gierke O. von. *Die Grundbegriffe des Staatsrechts und die neusten Staatstheorien. – Aufsätze und kleinere Monographien. Band 1*. Hildesheim; Zürich; NY: Olms-Weidmann, 2001, 604 S. (In German.)
- Giddens A. *Central problems in social theory: action, structure and contradiction in social analysis*. London: Macmillan Press, 1979, 294 p.
- Hardt M., Negri A. *Empire*. Cambridge, Mass.: Harvard university press, 2000, 478 p.
- Huntington S.P. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. Moscow: AST, 2003, 603 p. (In Russ.)
- Jackson R. *The global covenant: human conduct in a world of states*. Oxford: Oxford university press, 2000, 464 p.
- Jellinek G. *Allgemeine Staatslehre*. Moscow: Low Centre Press, 2004, 750 p. (In Russ.)
- Kelsen H. *General theory of law and state*. New York: Russell & Russell, 1961, 516 p.
- Khanna P. Bridges to everywhere: connectivity as paradigm. *Horizons: journal of international relations and sustainable development*. 2018, N 12, P. 42–65.
- Lacher H. *Beyond globalization: capitalism, territoriality and the international relations of modernity*. London: Routledge, 2006, 208 p.
- Luhmann N. *Trust and power*. Moscow: Praxis, 2001, 256 p. (In Russ.)
- Luhmann N. *The differentiation of society*. Moscow: Logos, 2006, 320 p. (In Russ.)
- Luhmann N. *The world society as a social system*. Moscow: Logos, 2004, 232 p. (In Russ.)
- Mann M. *Sources of social power. Vol. 2: The rise of classes and nation-states, 1760–1914*. Cambridge: Cambridge university press, 1993, 844 p.
- Matsuzato K. (ed.). *Emerging meso-areas in the former socialist countries: histories revived or improvised?* Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2005, 415 p.
- Matuzov N.I., Malko A.V. *Theory of state and law*. Moscow: Jurist, 2004, 245 p. (In Russ.)

- Menshenina N.N. *International law*. Yekaterinburg: Ural State University, 2016, 100 p. (In Russ.)
- Melville A.Y. *Political Atlas of modernity: the experience of multidimensional statistical analysis of political systems of modern states*. Moscow: MGIMO University, 2007, 272 p. (In Russ.)
- Meyer J.W., Boli J., Thomas G.M., Ramirez F.O. World society and nation-state. *American journal of sociology*. 1997, Vol. 103, N 1, P. 144–181. DOI: <https://doi.org/10.1086/231174>
- Okunev I. Geography of international relations: structure and elements of the world political space. *Bulletin of Perm University. Political science*. 2019, Vol. 13, N 3, P. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-5-16>(In Russ.)
- Ougaard M., Higgott R. *Towards a global polity*. London: Routledge, 2002, 265 p.
- Pankevich N., Rudenko V. Political and legal values of the European Union and its member states: does the Covid-19 pandemic have transformative potential. *Antinomies*. 2021, Vol. 21, N 3, P. 55–80. DOI: https://doi.org/10.17506/26867206_2021_21_3_55 (In Russ.)
- Parsons T. *The social system*. Moscow: Academic Project, 2002, 832 p. (In Russ.)
- Reboredo R., Brill F. Between global and local. *China perspectives*. 2019, N 4, P. 9–16. DOI: <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.9607>
- Sassen S. *Territory. Authority. Rights*. Princeton, NJ: Princeton university press, 2006, 502 p.
- Sharp D. The urbanization of power and the struggle for the city. *Middle East Report*. 2018, N 287, P. 2–5.
- Scheuerman W.E. The center cannot hold. *Nomos*. 2009, Vol. 49, P. 205–218.
- Spruyt H. *The sovereign state and its competitors*. Princeton, N.J.: Princeton university press, 1994, 288 p.
- Timofeev N.S. On the revival of sovereignty and the rule of the people (the hierarchical character of the regulated rule of the people). *Constitutional and municipal law*. 2020, N 7, P. 28–33. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-7-28-33> (In Russ.)
- Waltzer M. *Just and unjust wars. A moral argument with historical illustrations*: 4 th ed. New York: Basic Books, 2006, 416 p.
- Zürn M., Leibfried S. *Transformations of the state?* Cambridge: Cambridge university press, 2005, 224 p.

Литература на русском языке

- Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 29–43. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.03>
- Бауман З. Национальное государство, что дальше // Отечественные записки. – 2002. – № 6. – С. 419–435.
- Еллинек Г. Общее учение о государстве. – М.: Юридический центр Пресс, 2004. – 750 с.

- Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
- Луман Н.* Власть. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
- Луман Н.* Дифференциация. – М.: Логос, 2006. – 320 с.
- Луман Н.* Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
- Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. – М.: Юрист, 2004. – 245 с.
- Меньшенина Н.Н.* Международное право. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. – 100 с.
- Мельвиль А.Ю.* Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 272 с.
- Окунев И.* География международных отношений: структура и элементы мирового политического пространства // Вестник Пермского университета. Политология. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-5-16>
- Панкевич Н.В., Руденко В.В.* Политические и правовые ценности на уровне Европейского Союза и его стран-участниц: имеет ли пандемия COVID-19 трансформирующий потенциал? // Антиномии. – 2021. – № 3. – С. 55–80. – DOI: https://doi.org/10.17506/26867206_2021_21_3_55
- Парсонс Т.* О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.
- Тимофеев Н.С.* К возрождению суверенитета и народовластия // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 7. – С. 28–33. – DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-7-28-33>
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.